

Увидев задумчивое выражение лица Чжан Сяо, Гао Цюн быстро доел обед, сел рядом и раскрыл блокнот:

— Есть ли что-то, чего я не знаю? Расскажи.

— Нет. Я совершенно не знаком с этой областью, — сказал Чжан Сяо. — Спроси у Юань Юэ.

— Я спрашивал, много раз, — ответил Гао Цюн. — Но он тоже не знает.

Чжан Сяо вспомнил, что Ин Чанхэ неоднократно предупреждал Гао Цюна не беспокоить Юань Юэ, вероятно, именно по этой причине.

— Через несколько дней поедешь со мной в институт, — сказал Чжан Сяо. — Скоро начинается семестр, директор Ин попросил меня вернуться и спросить у преподавателя о барьере Оделиса.

Гао Цюн задумался:

— Твой институт — это что-то вроде Академии передового управления?

Чжан Сяо ответил:

— Да, ты знаешь? Ты же не учился в университете? Откуда тебе известно?

— Я там провел два месяца, — сказал Гао Цюн. — Несколько лет назад.

Чжан Сяо заинтересовался:

— Как ты туда попал?

— Ин Чанхэ меня туда привел, сказал, что нужно проверить мое здоровье, — Гао Цюн прищурился, вспоминая. — Но уколы были очень неприятными, я не смог контролировать своего волка, и он укусил ментальные тела нескольких проводников и часовых. Потом меня выгнали.

— ...Ты молодец, — сказал Чжан Сяо. — Зачем Ин Чанхэ тебя туда привел? Ты болел?

— Не болел, это была обычная проверка, — сказал Гао Цюн. — Чтобы определить, какое у меня ментальное тело, и проверить его состояние.

— ...Не может быть, — сказал Чжан Сяо. — Разве ментальное тело каждого часового и проводника не регистрируется в архиве сразу после первого полного проявления? Ты не был зарегистрирован? Понятно, ты нелегал.

Гао Цюн сжал губы, словно не желая говорить на эту тему.

— Где твой дом? — Чжан Сяо не мог остановиться. — Чем занимаются твои родители? В какой школе ты учился? Почему у тебя такие плохие оценки? Ты не любишь учиться? Ин Чанхэ тебе кто? Почему ты не едешь домой на праздники? Дом далеко? Или у тебя плохие отношения с семьей...

Гао Цюн разозлился, схватил его за ухо и наклонился, чтобы поцеловать.

Чжан Сяо замолчал на мгновение, и Гао Цюн медленно отстранился.

— Твой мунтжак выбежал? — спросил он с улыбкой.

Чжан Сяо покраснел, его тело ослабло от сексуальной реакции, и, переведя дыхание, он раздраженно сказал:

— Ты не почистил зубы после еды!

Гао Цюн ответил:

— Да.

Он улыбнулся, высунул язык и снова лизнул губы Чжан Сяо.

Волк, неизвестно когда появившийся, бегал по гостиной. Он подбежал к окну, внезапно остановился и уставился наружу.

Крошечная колибри зависла в воздухе, быстро махая крыльями.

Как и видел Гао Цюн, Чжан Сяо действительно не был настороже утром.

Он просыпался от будильника, выключал его и несколько минут сидел на кровати, почесывая голову, затем вставал и шел будить Гао Цюна.

Привычка Чжан Сяо заключалась в том, чтобы перед выходом из спальни принять ингибитор, чтобы, войдя в комнату Гао Цюна, не спровоцировать нежелательную реакцию от его чрезмерно насыщенных феромонов.

Гао Цюн открывал глаза, когда Чжан Сяо приближался, снимал наушники с белым шумом, брал его за руку и пытался поцеловать.

Чжан Сяо несколько раз поддавался, но потом научился не подходить близко, останавливаясь в двух метрах и крича:

— Вставай, опаздываем, штраф!

Позже Гао Цюн нашел новый способ: он следовал за Чжан Сяо, и когда тот наклонялся, чтобы надеть обувь, наклонялся и целовал его в ухо.

Чжан Сяо боялся. Его ухо, видимо, было чувствительной зоной, и прикосновение Гао Цюна заставляло его вздрагивать и тут же сворачиваться в клубок, испуганно оглядываясь. Гао Цюн, конечно, был рад, его глаза сияли ожиданием:

— А где твой мунтжак?

Чжан Сяо подумал: «Да иди ты, яблоко от яблони недалеко падает, твой волк и ты — одно целое».

Но после многократных повторений он либо привык, либо очерствел. Они жили на довольно высоком этаже, и иногда, если лифт долго не приходил, они спускались по лестнице. Гао Цюн настаивал на том, чтобы держать его за руку, что сильно смущало Чжан Сяо.

— Юань Ивэй и Чжоу Ша тоже так делают, — сказал Гао Цюн.

Чжан Сяо вздохнул:

— Мы не такие, как Юань Ивэй и Чжоу Ша.

Гао Цюн делал вид, что не слышит, и продолжал держать его за руку, шагая вниз по холодной, слегка мрачной лестнице.

Однако ко всему можно привыкнуть. В этот день, закрыв дверь, они увидели, что лифт остановился внизу и медленно поднимался, останавливаясь на каждом этаже, так как люди постоянно входили. Естественно, пришлось идти по лестнице. Гао Цюн развернулся, открыл дверь и протянул руку. Чжан Сяо, почесывая свежий укус комара на щеке, машинально протянул свою руку и взял его.

Гао Цюн удивился, и Чжан Сяо тут же понял, что произошло, и быстро отдернул руку.

Он покраснел: что это за атмосфера, когда рука сама тянется к руке...

Гао Цюн пошевелил пальцами и широко улыбнулся, его лицо светилось радостью. Он был так хорош в этой улыбке, даже в холодном свете энергосберегающих ламп. Чжан Сяо подумал, что даже если бы у него раньше не было никаких чувств к Гао Цюну, в этот момент он бы точно влюбился.

Гао Цюн протянул руку и крепко сжал ладонь Чжан Сяо.

— Ну давай, пожмем руку, — сказал он. — Так теплее, сегодня холодно.

— ...У тебя лицо красное, а тебе холодно, — сказал Чжан Сяо.

— Взаимно, — фыркнул Гао Цюн. — Просто ты смешной, даже рукопожатия боишься.

Чжан Сяо не удержался и поправил его:

— Это не рукопожатие, это называется держаться за руки.

— Какая разница?

— ...Никакой, — Чжан Сяо не знал, как объяснить, и проямлил.

Гао Цюн прошел несколько ступенек и снова заговорил:

— Но сейчас действительно приятнее, чем когда я держал руку Юань Юэ.

— ...Ты держал руку Юань Юэ?

— Когда мы выезжали на задания, часто приходилось вести его обратно, — Гао Цюн показал жестом. — До того, как он начинал «проявлять» фотографии, он не мог открыть глаза.

Чжан Сяо промолчал.

Ему было немного досадно за себя, что он расстроился из-за такого пустяка.

Гао Цюн снова сказал:

— Ты чувствуешь? Я сейчас очень счастлив, ты это ощущаешь?

— Да, да, пошли, пошли, — ответил Чжан Сяо.

Подавляющий обруч Гао Цюна лежал в кармане, его феромоны распространялись вокруг, но теперь они были совсем другими. Те холодные, гордые ароматы исчезли или смягчились, уступив место более легким, нежным запахам, словно первые весенние ростки, как ветерок, играющий с перьями птиц, как капля тающего льда, падающая в мелкую лужицу и создающая крошечные круги.

Ментальное тело Чжан Сяо, маленький мунтжак, зашевелилось. Оно хотело выбежать, прижаться к Гао Цюну, бежать счастливо там, где есть травка, ветерок и лужицы.

Чжан Сяо прижал руку к груди, сердце билось ровно и сильно. Ему хотелось, чтобы ступеньки лестницы никогда не заканчивались, и чтобы этот миг, который сделал его счастливым, длился вечно.

Накануне они завершили задание с чашей из исинской глины в форме персика. Они наблюдали, как человек, тайком забравший чашу, покинул дворец, женился, состарился и умер, а его дети положили драгоценный предмет в гроб отца и похоронили вместе с ним.

Это было удивительное чувство. Они совершали пространственные скачки, возвращаясь в разные моменты времени, и если вчера они видели только что женившегося мужчину, то сегодня он уже был окружен внуками. Гао Цюн сказал Чжан Сяо, что это было похоже на просмотр фильма.

Чжан Сяо подумал, что так оно и есть. Человек умер, история закончилась, словно фильм подошел к концу. Они долго следили за этим, и наконец увидели финал.

Но это был не настоящий финал. Они лишь наблюдали за жизнью и смертью одного человека, но все, кто окружал его, продолжали жить в своем времени, и фильм их жизни шел без остановки.

Просто у них больше не было возможности или права смотреть его.

<http://bllate.org/book/16847/1550398>